

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
январь 1982 г.
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

4. Вспомогательные глаголы подробно описаны в кн.: "Сунь цзы в тангутском переводе". Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод, введение, комментарий, грамматический очерк, словарь и приложение К.Б.Кепинг. М., 1979, с.307.
5. Примеры взяты из следующих источников: 1) Невский - Н.А. Невский, Тангутская филология. М., 1960, т. I-II; 2) Предисловие - предисловие к "Сутре золотого блеска"; 3) С - трактат Сунь цзы о военном искусстве, 4) ЛК - "Лес категорий".

В. В. Кушев

О НОВЫХ ФОРМАХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ПОСЛЕЛОГОМ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время в языке иранской прессы, радио, столичной интеллигенции, то есть в так называемом "стандартном персидском", получили распространение две конструкции с послелогом РА, одна из которых еще недавно совершенно отсутствовала в языке, другая встречалась преимущественно в разговорной речи и трактуется некоторыми иранскими грамматистами как "неправильная".

I. В современном персидском языке основная функция послелога - оформление прямого дополнения, выраженного либо одним словом, либо словосочетанием, включающим в себя определительные слова. Наблюдается тенденция к расширению таких словосочетаний косвенными дополнениями и обстоятельственными словами и оборотами, которые, как правило, примыкали к другим членам предложения, прежде всего, к сказуемому. И хотя в настоящее время обстоятельства нередко присоединяются к сказуемому даже при наличии их семантической связи с прямым дополнением, они в этих условиях все чаще оказываются в группе дополнения. Поэтому "стандартные" построения типа

до мартәбе <rah-е базгәшт-е әмперйалисм-РА бе кешәр-е әзиз-етан> баз нәкониң "Не открывайте вновь путей для возвращения империализма в вашу дорогую страну"

уступают место структурам типа

амрика бәра-йе зәминесази-йе тәһаджом-е бә'ди <маджәраджуй-йе дахели дар иран-РА> шору кәрдә-әст "Чтобы создать предпосылки для будущего вторжения, Америка развязала внутренние авантюры в Иране" (газета "Мардом", 31.12.1980 и 3.1.1981).

Такова общая тенденция, хорошей иллюстрацией одного из конкретных путей воплощения которой может служить приводимый ниже

пример. Автор газетной статьи в одном из предложений, оформив послелогом прямое дополнение с его определениями, оставил за пределами конструкции связанное с ним косвенное дополнение, но газетный редактор, озаглавив этой фразой статью, включил его в группу прямого дополнения в соответствии с наметившейся тенденцией. В результате предложение

⟨ничтуне су-эстефаде-йе эртеджаи-РА аз нам-е эслам⟩
tāhāmmol nāxāhim kārd "Мы не потерпим никакого злоупотребления именем ислама со стороны реакции"

превратилось в заголовке в

⟨су-эстефаде-йе эртеджаи аз нам-е эслам-РА⟩ tāhāmmol nāxāhim kārd.

Дальнейшее развитие этой тенденции /наряду, очевидно, с другими факторами/ привело к тому, что в сферу влияния прямого дополнения стали вовлекаться относящиеся к нему определительные придаточные предложения, которые раньше в с е г д а помещались за послелогом. Это любопытное явление последних лет не отмечено в новейших работах по персидской грамматике, а И.К.Овчинникова в статье, посвященной послелогу, в свое время особо подчеркивала, что "...всегда ставится за послелогом \downarrow придаточное определительное предложение, относящееся к прямому дополнению".¹ Сформулированное таким образом правило, не предусматривавшее в то время исключений, теперь нуждается в уточнении и изменении, так как возникла конструкция, в которой определительное придаточное к прямому дополнению главного предложения ставится непосредственно п е р е д послелогом РА, т.е. структурно этот показатель прямого объекта оказывается присоединенным к личной форме глагола.

Эта конструкция стала употребляться достаточно часто и в прессе, и в выступлениях, и в радиопередачах, использование ее не имеет каких-либо определенных грамматических ограничений. Вот несколько примеров, первый из которых особенно интересен, потому что в нем послелогом оформлен очень длинный пассаж с многочленным придаточным предложением:

энҗелаб-е иран ⟨донйа-йе джадид донйа-йе зедд-е-амперйалист донйа-и ке дяр ан ғолуб-е һамегаи аз мосалман-е энҗелаби вā энҗелаби-йе ғейр-е мосалман бе хатер-е энҗелаб-е бозорт-е иран вā нāбāрд-е сārневштсаз-āш ба амперйалисм-е амрика митāпād-РА⟩ кāшф кāрд.

"Иранская революция открыла новый мир, мир антиимпериалистический, мир, в котором сердца всех, от революционных мусульман до неисламских революционеров, бьются ради великой иран-

ской революции и решающей битвы с американским империализмом ("Мардом", Я.І.1981).

пасдаран-е энгелаб <мәҗрадр-и моһеммат вә әсләһе ке дәр зирзәмин мәхфи шодә буд-РА> пейда кәрдәнд "Стражи революции обнаружили снаряжение и оружие, которое было спрятано в подземном помещении" (тегеранское радио, новости 20.2.1981).

<карһа-и ке бәр оһде-йе ма-ст-РА> тоур-и әнджам деһим ке моуред-е пәзиреш-е хода-йе мобарәк вә тәала башәд "Давайте выполним дела, которые нам поручены, так, чтобы это было одобрено всевышним" (изложение выступления Хомейни 8.8.1982).

у <әмәллийат-е әртеш-е иран ке дәр нәтиҗе-йе ан ғесмәт-и бозорг әз хак-е вәтән-еман бе дәст-е рәзмәндеған-е әслам дәр амәдә әст-РА> тәшриһ кәрд "Он прокомментировал действия иранской армии, в результате которых большая часть территории нашей родины была захвачена исламскими войнами" (сообщение по радио об интервью начальника штаба объединенного командования, сентябрь 1982).

Нам встретилось несколько случаев двукратного употребления послелого - до и после придаточного предложения. Этот факт, будучи, несомненно, результатом невнимательности авторов, говорит в то же время об определенном усилении инновации. Например:

бәра-йе соһбәт кәрдән дәр баре-йе джәвв-е сийәси-йе фе'ли дәрәдҗе-йе әввәл байәд <нируһа-йе мохтәләф-и-РА ке дәр джаме'е-йе ма әсәргозар һәстәнд-РА> әрзйәби кәрд "Для разговора о нынешней политической атмосфере нужно, в первую очередь, дать оценку различным силам, которые оказывают влияние на наше общество" (газета "Бамдәд", 24.12.1979)

Глагол-сказуемое, предшествующий послелогу, может иметь форму любого времени и склонения; нами отмечены глагол-связка:

...әст-РА, ...һист-РА, ...һәстәнд-РА, настоящее время: ...воджуд дарәд-РА, ...мәһсуб ми-гәрдәд-РА, перфект: ...дәр амәдә әст-РА, давнопрошедшее: ...шодә буд-РА, прошедшее сослагательное: ...рәф-те башәд-РА.

Из сказанного можно заключить, что появление этой конструкции было следствием процесса постепенного введения в словосочетание с послелогом, иначе говоря, в синтаксму прямого дополнения, все большего числа единиц предложения, сначала - простого, затем сложно-подчиненного, и таким образом, изменения, носившее первоначально скорее количественный характер, дали качественно новое

явление в синтаксисе. Оно живо сегодня, о чем свидетельствует более или менее частое использование конструкции в разных текстах, включая официальные документы, но было бы преждевременным утверждать, что она станет грамматической нормой.

2. Другая интересующая нас конструкция, тоже примечательная тем, что в ней нарушаются привычные синтаксические связи, появляется в сложно-подчиненных предложениях с определительным придаточным в тех случаях, когда подлежащее главного и прямое дополнение придаточного, определяющего подлежащее, — одно и то же лицо или предмет. Здесь, в соответствии с нормой, существительное — подлежащее главного предложения замещается в придаточном личным или указательным местоимением с объектным послелогом.

мáрд-и ке у-РА дáр раһ дидáм дуст-е гáдим-е мán буд "Человек, которого (букв. "который-его") я встретил в пути, был моим старым другом".

Такое построение было единственно возможным в письменном языке, но могло нарушаться в разговорном: в уме говорящего переходный глагол — сказуемое придаточного предложения, занимающий позицию перед сказуемым главного, т.е. ближе к его подлежащему, связывался с последним и влиял на него таким образом, что оно (подлежащее) снабжалось послелогом, а местоимение в придаточном за ненадобностью опускалось: мáрд-и-РА ке дáр раһ дидáм дуст-е гáдим-е мán буд. Можно признать, что при этом достигалась некоторая языковая экономия, однако возникала грамматически недопустимая конструкция, так как подлежащее, снабженное показателем прямого дополнения, формально должно восприниматься как прямой объект при непереходном глаголе. Она и рассматривалась традиционалистами в грамматике как "ошибочная".² Но язык принял ее, она проникла в письменный язык, где стала употребляться настолько часто, что сегодня уже трудно оспаривать ее право на существование. Приведенные ниже примеры взяты из современной прессы, в частности, из статей авторов, которые стремятся соблюдать литературную норму.

ин джар-о-джáнджалһа-и-РА ке раһ áндахтáнд һала хáбáр-и нист "сейчас нет и в помине тех скандалов, которые они затеяли", (газета "Аяндеган", 10.3.1979).

мáталеб-и-РА ке ишан энван кáрдáнд ногте-нázарһа-йе ходешан буд "темы, которые они предложили, были их собственной точкой зрения" (газета "Кейхан", 10.2.1980).

мáтале-йе зир-РА ке базен дáр маджáлле-йе "áспри" бе чап

рәсанд дәр кетаб-е "синема чист" низ амәдә аст "Нижеследующая статья, которую Базен опубликовал в журнале "Эспри", помещена также в книге "Что такое кино" (газета "Аяндеган", 10.6.1979). Әлбәтте чарчуб-и-РА ке ма бәра-йе әфрад-е мо'мен-е бе энҗелаб ғайел һәстим ба чарчуб-и ке ғешрһа бә'зи аз мәс'улан-е доуләти вә бәрхи дигәр аз нируһа-йе моәссер дәр джомһури-йе әслами ғәбул дарәнд ғәфавот дарәд "Разумеется, те рамки, которые мы устанавливаем для верных революции людей, не совпадают с теми чертами, которые принимают /для них/ группировки, ряд государственных деятелей и некоторые другие влиятельные силы в Исламской республике" ("Мардом", 10.1.1981).

Эту конструкцию можно встретить даже в литературоведческих трудах:

ваґе'е-йе ғәсд-е джан-е у-РА ке әхмәд-е лор нәмуд дәр сал-е 830 әттеғағ оғтад "Покушение на его жизнь, которое совершил Ахмад Лур, произошло в 830 г.". (Эдвард Броун, Аз Сә'ди та Джами, перевел Али Астәр Хекмәт, Тегеран, 1327).

Появление этих двух инноваций - одно из свидетельств непрерывного поступательного развития персидского языка.

-
1. Функции послелога ра (,) в современном литературном персидском языке (труды ИЯ АН СССР, т.VI, 1956, с.361).
 2. См., напр., Парвиз Нател Ханлари, Дастур-е забан-е фарси. Тегеран, 1351, с.319-320.

В. Л. Успенский

БУДДИЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МОНГОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Проникновение буддийских терминов в монгольский письменный язык началось одновременно с заимствованием монголами в XIII в. уйгурской письменности, на которой к этому времени уже имелось большое количество буддийских текстов. В это время из уйгурского языка в монгольский попало большое количество как собственно уйгурских буддийских терминов, так и санскритских. В XVII-XVIII вв. на монгольский язык с тибетского переводится огромное количество буддийской литературы, и эта переводческая деятельность монголов потребовала разработки правил перевода с тибетского языка, составления терминологических словарей. Тибетский язык в это время занимает